

КРОКОДИЛ

№14 1980

ISSN 0130-2671

В СТРОЮ, КАК И 35 ЛЕТ НАЗАД

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

УРОК ПОБЕДЫ

С точки зрения стратегической гитлеровская Германия впала в предсмертную агонию весной 1945 года.

С точки зрения исторической гибель нацистского «нового порядка в Европе» началась 22 июня 1941 года.

Перешагнув государственную границу СССР, фашизм сделал первый, но уже необратимый шаг к своему собственному краху.

Чем дальше течение времени относит нас от грозовых лет Великой Отечественной войны, тем яснее вырисовывается, что порывы и прорывы «нах Остен», которые совершил гитлеровский вермахт в начальный период войны, были всего только временным эпизодом, нехарактерным для генерального маршрута Истории, зигзагом удачи, исключением из правила.

Военные успехи Гитлера были исторической случайностью. Исторической необходимостью — и, следовательно, неизбежностью — была заведомая обреченность нацизма на конечную гибель и сама эта гибель.

Гитлер и его собратья-разбойники околели, так и не поняв этого. Они искали — и, разумеется, находили — «неожиданные» и «недоучтенные» ими обстоятельства, которые-де ловко обращает в свою пользу Красная Армия. Тут фигурировали и зловредный «генерал Зима», и коварное бездорожье, и загадочный «отчаянный фанатизм противника»...

Они искали не там. Недоучтенные обстоятельства действительно были. Гитлер и К° недоучли монолитную крепость социалистического строя, неразъемное единство Коммунистической партии и народа, исполинские резервы нашего тыла... И не в последнюю очередь — необоримую силу духа советского солдата — советского человека.

Эта сила духа была испытана в огне небывалых сражений. В горьких буднях отступлений. В безоглядной стремительности контратак. Во всем нескончаемо тяжком труде войны.

Но эта же сила духа явила себя не только в смертельном противоборстве с врагом. Даже в самые горестные дни наших поражений и утрат советский солдат оставался неуемным жизнелюбом. Здоровый, неподавляемый оптимизм брызжет в шутках, рисунках, частушках, в незатейливых рассказах и стихах красноармейцев, печатавшихся во фронтовых газетах.

«Кто сказал, что надо бросить песни на войне...» — такая была тогда песня про песню. Но это в полной мере относилось также и к душевной бодрости бойца, его отважной веселости, исконной, от суворовских прадедов унаследованной способности согреваться не только окопным дымом, но и щедрой усмешкой, лукавым розыгрышем, ироническим присловьем. Да и то сказать — где еще, в какой армии найдешь хотя бы подобие легендарной фигуры мудрого и неунывающего острослова Васи Теркина! Нет в мире второго Теркина,— кроме того, что говорит на русском языке.

Народ, обладающий силою духа, коренящейся не только в национальном характере, но и в историческом оптимизме, непобедим.

И это — один из существенных уроков нашей великой Победы, преподанных миру тридцать пять лет назад.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Между этими дружескими шаржами пролегли десятилетия. В далеком 1944-м во «Фронтовых иллюстрациях» молодой художник-крокодилец Иван Семенов сделал дружеские шаржи на еще более молодых Героев Советского Союза — своего рода рекордсменов в разных видах оружия. Среди них были артиллерист — истребитель танков Вениамин Пермяков (24 танка и самоходки, в том числе 18 «тигров»), снайпер Илья Григорьев (328 гитлеровцев, в том числе 67 офицеров и 18 снайперов), разведчик Владимир Карпов (участник захвата 79 «языков»).

И вот в канун 35-летия Победы уже народный художник СССР, но по-прежнему крокодилец, Иван Максимович Семенов вновь встретился с теми же рекордсменами, давно перековавшими свои грозные мечи на орала...

И пока художник делал зарисовки, гости «Крокодила», невольно настроившись на шутливую волну, вспоминали забавные фронтовые эпизоды.

— Могу рассказать,

КАК Я ПРАЗДНОВАЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Так сказал, улыбнувшись, артиллерист Пермяков. И, получив единодушную поддержку, начал:

— Родился я 15 января 1924 года. Но свое двадцатилетие отпраздновал на день раньше — 14 января сорок четвертого. И вот почему. Наша 8-я гвардейская противотанковая артиллерийская истребительная бригада стояла на одном из самых критических участков Корсунь-Шевченковского «котла», в котором «кипели» десятки вражеских дивизий. Мы знали, что именно здесь, в районе сел Ивахни и Цыбулево, враг готовится снаружи «приоткрыть крышку». Как раз для этой операции прибыли свежие немецкие части, в том числе дивизия СС со 120 тяжелыми танками и самоходками.

Удар мог последовать в любой момент. Поэтому нельзя было откладывать на завтра то, что можно было съесть сегодня. И действительно, по случаю дня рождения наводчика, кавалера ордена Ленина (эту награду я получил еще за бои на Курской дуге) повар наварил особо густых щей, а на второе — аппетитнейшее жаркое с мясом, салом, луком, картошкой и перцем. От одного аромата голова кругом!

Погода, как по заказу, выдалась отличная. На фронте тихо (так всегда бывало перед большими сражениями), и наш орудийный расчет решил попировать не в землянке, а на открытом воздухе. Хорошо так расположились, и вдруг — бах! Прилетел снаряд с той стороны и ударил, стервец, точно по ведерку с жарким, которое стояло немного в стороне, у входа в землянку. Естественно, кроме аромата от жаркого ничего не осталось. Для нас, опытных артиллеристов-снайперов, не составило труда мгновенно сориентироваться: стреляло замаскированное на окраине села тяжелое самоходное орудие «Фердинанд». Сделало свое черное дело и, словно в издевку, замолчало.

— Ну, хорошо, герр Фердинанд,— сказали ребята.— Мы тебя запомнили. Мы в долгу не останемся. Угостим до отвала...

Ждать пришлось недолго. Назавтра началось. Одна танковая атака врага следовала за другой. Мы делаем свое дело, не отступая ни на шаг, и все поглядываем на нашего «друга». А вот наконец и он пошел в гости, пытаясь с ходу раздавить наши батареи. Но далеко ему идти не пришлось. Первым же точным ударом мы «отрубили» ему ствол. Несмотря на грозную обстановку, все рассмеялись: уж очень нелепое было зрелище — устрашающая с виду махина беспомощно пошевеливала обрубком хобота. Вторым ударом мы перебили гусеницу, а третьим накрыли экипаж, который пытался спастись бегством.

ЛОВЛЯ НА МУШКУ

«УКРОТИТЕЛЬ»

«ЯЗЫК МОЙ» — ВРАГ МОЙ

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНЬЯ...

— Вот так,— сказал командир орудия Закир Асфандяров,— другой раз уже не будешь портить людям праздник...

За этот бой ему и мне было присвоено звание Героя Советского Союза. И сегодня, когда мой боевой друг приезжает ко мне из города Балхаша или я к нему, то, садясь за стол, мы каждый раз вспоминаем мой день рождения и «подарок», за который мы рассчитались полностью...

— Уж коли зашла речь о праздниках, то расскажу, как мы сами устраивали непрошеным гостям веселые концерты с грустными для них последствиями,— продолжил разговор снайпер Григорьев.— Это была в полном смысле

НЕСЛЫХАННАЯ МУЗЫКА

Дело было в 1943 году под Оршей. Звание я носил самое обыкновенное — гвардии старшина, но зато должность у меня была уникальная, никакими уставами не предусмотренная: командир снайперского движения 33-й армии.

Прибывает к нам пополнение: двадцать девушек, окончивших снайперскую школу. Девчата одна к одной. И все рвутся в дело. Как, думаю, сделать так, чтобы дать им возможность с наименьшим риском вжиться во фронтовые будни и в то же самое время проявить свои снайперские таланты?

Думал, думал и сочинил такую «музыку». Приказал собрать где только можно обручи от бочек. К ним привязали порожние консервные банки, в которые насыпали разных железок, и вновь закупорили. Надо сказать, что позиции наших войск на том участке проходили по высотке. Именно это обстоятельство и лежало в основе моей снайперской симфонии. Тщательно укрыв девушек на боевых позициях, я велел начать концерт.

Обручи с банками покатились вниз, издавая на ходу громкое звякнье, которого до сих пор никто не слышал. Из естественного любопытства сразу в нескольких местах высунули из окопов свои носы гитлеровцы. Их любопытство было в тот же момент нашими девушками строго наказано.

Подобные же концерты мы проиграли и на других участках фронта. И повсюду с одинаковым успехом. Потому что «музыканты» были у меня экстра-класса. Играли, как по нотам...

— Ну, уж если речь зашла о концертах,— вступил в разговор разведчик Карпов,— то припоминаю случай, как нас

АРТИСТЫ НЕ ПОДВЕЛИ

Однажды раздобыли мы «языка», по званию обер-лейтенанта. Особо он нам приглянулся тем, что нес в руках нечто похожее на современный портфель-дипломат. Разве что потолще.

Мы, конечно, подумали, что там важные документы. Но когда притащили «языка» с портфелем к своим, то оказалось, что обер нес всего-навсего несколько бутылок вина. Но не простых. В специальном бауле, уложенные в бархатные гнезда бутыли разных форм и размеров, оснащенные красочными этикетками, они словно сошли с шикарной рекламы. Видимо, весь набор предназначался для генеральского застолья. Впрочем, сгодился и для нашего солдатского ужина. Тем более был веский повод: нашего товарища наградили орденом...

Назавтра прибегает к нам адъютант командира полка и говорит: ребята, вчера вы раздобыли винный трофей, так, может, случайно осталась бутылка-другая? А то сегодня приезжает с концертом бригада артистов, полковник приказал устроить стол и непременно с хорошим вином, а где его взять, хорошее, когда в военторге одни бочковый вермут... Обидятся гости.

Объяснили мы адъютанту, что как раз случайно у нас ничего не осталось, а тот чуть не плачет: ребята, выручайте. Командир приказал: достань хоть из-под земли! Вся надежда только на вас, разведчиков...

Парня надо было выручать. Подумали мы и решили пойти на маленькую хитрость. Купили в военторге этот самый вермут, разлили по французским бутылкам, залили сургучом и сверху придавили оборотной стороной пфеннига. В крайнем случае скажем, что, мол, вино трофейное, за качество не отвечаем... Концерт прошел отлично. А после — стол. Наши бутылки в центре. Главное украшение. С дрожью смотрим, как ломают сургуч, выкручивают пробки и разливают по стаканам «бургундское», «бордосское» и прочие прославленные марки. Вот сейчас, думаем, все откроется, и командир полка устроит нам другой концерт. Повеселее первого.

Смотрим на артистов, особенно на старшего, седого, видно, много повидавшего человека. Тот со знанием дела понюхал, пригубил, потом посмотрел на нас и говорит: молодцы, ребята, отличное вино добыли. И выпил. Вслед за ним стали пить и другие, нахваливая. Самое удивительное, что некоторые находили разницу в букетах. Определяли даже возраст вина... В общем, вечер закончился прекрасно. И радовались мы своей проделке, как дети. А назавтра, когда уезжали гости, седой актер отвел меня в сторонку и с лукавой улыбкой посоветовал: в другой раз, молодой человек, когда будете запечатывать старые французские вина, используйте что-нибудь более французское, чем обычные немецкие пфенниги...

— Так вы сразу все поняли? — спрашиваю.

— Еще бы,— отвечает,— я ведь жил во Франции. Но мы, артисты, умеем поддержать предложенную нам игру...

Тут как раз художник Семенов закончил свою работу, а гости «Крокодила», тепло распрощавшись, вернулись к своим делам: Вениамин Михайлович Пермяков — в отдел материально-технического снабжения одной из строительных организаций Министерства медицинской промышленности, Илья Леонович Григорьев — в Главтранспроект Министерства транспортного строительства, писатель Владимир Васильевич Карпов — в редакцию журнала «Новый мир», где он занимает должность первого заместителя главного редактора.

Пожелаем же каждому из них здоровья, удач и успехов на избранном им жизненном пути. Старым солдатам шагать не привыкать!

Встречу Героев Советского Союза с народным художником Советского Союза подготовил бывший офицер разведки, кавалер трех боевых орденов

Им. ЛЕВИН.

И. Л. ГРИГОРЬЕВ

В. М. ПЕРМЯКОВ

В. В. КАРПОВ

Мануил СЕМЕНОВ, подполковник запаса

ВЫХОДИЛА В АРМИИ

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ!

Морозный январь 1943 года. Полки и дивизии нашей армии, зарывшись в снега, держат оборону северо-восточнее Погорелого Городища. Самого городка нет и в помине. Его уже во второй раз (а первый раз это случилось в Отечественную войну 1812 года) испепелил огонь войны. На огромном пустыре лишь кое-где возвышаются чудом уцелевшие печные трубы. Унылое безлюдье вокруг. И лишь впереди, как только углубишься в лес, бьется кипучая жизнь. Здесь наши войска.

Редакционная «эмка» петляет по накатанной пробитой между снежными валами дороге. Я еду на КП армии, выдвинутый на этот раз далеко вперед, к самой линии фронта. Жесткая оборона, занятая передовыми частями, позволяла это.

На КП я, конечно, бывал неоднократно, но сегодняшний визит особенный — вызов командующего. Еду и ломаю голову: зачем я мог понадобиться генералу Н. Э. Берзарину? Может быть, в газете допущена какая-нибудь промашка в освещении главной темы, которая сформулирована как активная оборона войск? Нет, как будто никаких замечаний со стороны штаба армии и его оперативного отдела не поступало...

Первый вопрос, которым меня встречает командующий, не вносит ясности.

— Как вы, редактор, относитесь к музыке?

Не знаю, какого ответа ждут от меня, и на всякий случай говорю:

— Положительно, товарищ генерал.

Николай Эрастович улыбается.

— Другого ответа и не ждал. Все хорошие люди любят музыку. Так вот, речь у нас пойдет о квартете.

Далее генерал пояснил свою мысль. Верно, что армия находится сейчас в обороне. Но это не будет длиться вечно, настанет и пора наступления. А раз так, то к этому моменту надо готовиться заранее, всемерно расшатывать оборону противника. Помогут в этом деле «квартеты», специально созданные из расчетов пулемета, миномета, а также двух метких стрелков, чтобы держать под постоянным обстрелом узлы обороны противника. Меняя свои собственные огневые позиции, они должны долбить и долбить одну и ту же цель — дзот, огневое гнездо.

— Такие «квартеты» следует создать в каждой роте. И ваша задача — настойчиво пропагандировать их боевой опыт на страницах газеты. Не раскрывая, впрочем, общего тактического замысла. Ясна задача? — спросил командующий.

Я покинул его блиндаж, уже на ходу обдумывая будущие подборки и специальные полосы нашей газеты «За честь Родины». Вскоре закипела работа. Подбадриваемые командирами и политработниками, печатным словом, бойцы действовали умело и самоотверженно. Их «музыка» гремела в самое не подходящее для противника время. Гитлеровцы несли жесточайший урон. А когда летом 1943 года началось наступление, мы пожинали плоды описанной выше «концертной» деятельности.

Гитлеровские вояки, видимо, так и не догадались, что своими провалами в обороне они были обязаны исключительно любви к музыке, которую замечательный полководец и прекрасный человек Николай Эрастович Берзарин испытывал с самых юных лет...

ПОЧТИ ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Среди шоферского состава нашей передвижной полевой редакции были два водителя с весьма созвучными фамилиями: Данилкин и Гаврилкин. И, несмотря на то, что они были совершенно непохожи друг на друга, их все время путали.

— Вызови ко мне Данилкина! — приказывал редактор.

— Есть! — отвечал ординарец.

Уходил и присылал к начальству... Гаврилкина.

Один, случалось, отбывал наряд вне очереди за другого, в то время как тот, увильнувший от хлопотного дежурства по кухне, получал в каптерке новенькое обмундирование, предназначенное бедняге чистильщику картошки и водоносу... Складывалось впечатление, будто начальствующий состав нашего небольшого воинского подразделения никак не может уразуметь, что имена Данила и Гаврила, откуда пошли названные выше фамилии, вполне самостоятельны и их принято давать двум разным людям, а не одному. Происходившая постоянно дикая путаница дошла до того, что обладатели сходных фамилий в конце концов потеряли правильную ориентировку. И не раз на строевых перекличках возникала такая ситуация.

— Данилкин! — громко называл фамилию старшина.

— Я! — отвечал Гаврилкин.

— Гаврилкин! — вызывал проверяющий.

— Я! — откликался Данилкин.

И далее, естественно, раздавался не предусмотренный строевым уставом хохот.

Так продолжалось долгое время. Но вот однажды, во время нашего стремительного наступления, по редакции разнеслась печальная новость:

— Погиб Данилкин. Был в рейсе, вез из тылов типографскую бумагу и погиб.

Однако Данилкин вскоре появился в редакции жив и невредим. А смертью храбрых пал его друг Гаврилкин. При следующих обстоятельствах.

Группа гитлеровцев, отбившихся от своей части, каким-то образом оказалась в нашем тылу. Обозленные и голодные фашисты бродили по лесам и случайно наткнулись на редакционную трехтонку. В надежде поживиться чем-нибудь съестным они напали на нее. Гаврилкин отстреливался из карабина сколько мог...

Позднее Данилкин писал вдове погибшего:

«Дорогая Прасковья Матвеевна! Ваш супруг был моим самым лучшим фронтовым другом, он много рассказывал мне и о вас и о ваших детях. Пусть они не считают себя сиротами. Скажите им, что я буду им вторым отцом, если, конечно, доживу до светлого Дня Победы».

И он дожил до этого дня, вернулся к мирной жизни. А сын и дочь друга встретили его как родного человека.

ЧТО ЕСТЬ ПОЭЗИЯ

Поэзию многие считают искусством возвышенным, которому пристало витать в облаках. Но такого взгляда батальонный комиссар Скворцов, редактор нашей газеты «За правое дело», явно не разделял.

Поздняя осень 1941 года, деревня Собакино под Наро-Фоминском. Войска недалече, они расположились по правому берегу реки Нары и держат оборону. В обычную деревенскую избу, переоборудованную под редакцию, заходит батальонный комиссар, усаживается на массивную дубовую лавку, медленно стягивает с рук кожаные перчатки и, обращаясь к редакционному поэту Васе Ботову, говорит:

— Товарищ политрук! К следующему номеру составьте небольшое стихотворение.

Политрук В. Ботов встает и, приложив руку к пилотке, отвечает:

— Есть написать стихотворение в следующий номер. Но о чем, товарищ батальонный комиссар, на какую тему?

Редактор расстегивает планшет, достает из него блокнот с записями, сделанными, очевидно, на последнем командирском занятии.

— Тема несложная,— говорит он.— Запишите: «Взаимодействие 82-мм минометов, 152-мм гаубиц и пехоты в наступательном бою». Ясно?

— Так точно,— докладывает политрук,— задача понятна и будет выполнена в срок.

— Вот и прекрасно,— удовлетворенно говорит редактор.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

ГАЗЕТА

Он убежден, что в условиях войны поэзия должна шагать в ногу с пехотой и обслуживать конкретные военно-прикладные задачи. И наносить противнику урон не менее значительный, чем тот, который наносят ему наши тяжелые минометы и гаубицы...

ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Наш не такой уж многочисленный редакционный люд, конечно, недолюбливал редактора за его сухость и излишнюю прямолинейность. Недолюбливал и жалел, так как батальонный комиссар Скворцов был человеком уже немолодым, заслуженным, героем гражданской войны. И потому, когда он, получив случайное ранение миометным осколком в живот, оказался в госпитале, жалость к редактору вспыхнула с особенной остротой. К тому же лечащий хирург на расспросы газетчиков отвечал очень неопределенно:

— Неважные дела у вашего батальонного комиссара. Сник он как-то.

— А чем ему можно помочь?

— Нужен импульс извне, сильный толчок, чтобы поднять защитные силы организма.

Стали думать, как и где найти этот импульс. И придумали.

Однажды, во время очередного посещения госпиталя, журналисты передали раненому новый, только что отпечатанный номер армейской газеты. Развернув ее, батальонный комиссар увидел набранный крупным шрифтом аншлаг на всю полосу:

«Теперь — только вперед!»

Редактор весь преобразился, лицо его порозовело, в глазах появился живой огонек...

— Неужели началось? — восторженно прошептал он.

Журналисты молча переглянулись. Они знали, что, когда весь тираж газеты был отпечатан, секретарь редакции распорядился вынуть из полосы прежний аншлаг и вставить новый. Затем был сделан один-единственный оттиск, который журналисты и привезли в госпиталь, чтобы порадовать своего редактора.

Батальонный комиссар не рассердился на своих помощников за озорную проделку. Он заулыбался и потеплевшим от волнения голосом произнес:

— А что вы думаете? Будет наше наступление, скоро будет. Вот и нужно мне быстрее поправляться, а то как бы не опоздать к началу.

Слова оказались вещими. Поправился, вышел из госпиталя редактор. А вскоре и началась победная битва под Москвой, ознаменовавшая желанный поворот в ходе войны...

В войну миновал окружение, а вот теперь — попал!

Рисунок С. ИЛЬИНОЙ

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Гитлер запретил все танцы

ДОТАНЦЕВАЛИСЬ!
1942 г.

Рисунок О. ВЕРЕЙСКОГО

Рисунок ст. сержанта А. МЯКИНИНА

— Господин фельдфебель, обеда только на полроты.
— Отлично! Пообедаем после атаки. Как раз всем хватит.

1942 г.

Лев САМОЙЛОВ, капитан запаса

КАК МЫ «ПОВЕСИЛИ» ГИТЛЕРА

Зимой 1942 года морская разведрота, в которой тогда я служил, находилась на Ораниенбаумском «пятачке». Мы укрепились в густом болотистом лесу, у самого берега Черной речки. После разгрома гитлеровцев под Москвой немецкое командование стало перебрасывать туда свои боевые части, а на наш участок присылать пополнение. Помогли это установить наши снайперы. К такому выводу они пришли вот почему: обстрелянный, бывалый фашистский солдат, едва услышав свист снайперской пули, не раздумывая бросался в ближайшее укрытие или падал, прижимаясь к земле, а новичок останавливался и вертел головой по сторонам, пытаясь определить, откуда стреляют. Понятное дело, второго выстрела он услыхать уже не успевал.

Чтобы проверить догадку снайперов, нужно было добыть «языка». Наш старшина Горелов

Окончание на стр. 6

продумал план операции, получил «добро» от командира роты, отобрал десять человек, в число которых попал и я. Девушки-санитарки сшили из мешков чучело. Я размалевал его, придав максимальное сходство с Гитлером. Челку присобачил из выкрашенного гуталином мочала, на брюхо нацепил несколько трофейных «железных крестов», а на руку — свастику. «Фюрер» получился подходящий. Но для удобства до поры он оставался пустым мешком. Мы плотно его свернули, перевязали бечевкой и уложили в вещмешок.

Глубокой декабрьской ночью, надев поверх матросских наших бушлатов белые маскхалаты, мы встали на лыжи и двинулись в путь. Предстояло пройти в обход километров пять-шесть промерзшей болотистой низиной, да еще столько же через лесные завалы и густую чащобу, а там расчищенной от мин узкой тропкой скрытно подобраться к вражеским позициям.

Задолго до рассвета Горелов вывел нашу группу к северной окраине деревни Стародворье, где оккупанты чувствовали себя относительно спокойней, чем в непосредственном соседстве с нашей ротой. Здесь, на опушке, мы распаковали свое чучело, плотно набили его снегом и вздернули на высокой обгоревшей сосне. Меня и еще одного бойца-автоматчика, Николая Ступака, Горелов оставил в «секрете». Остальные пошли дальше, в обход с западной стороны.

Все получилось, как и было задумано.

Еще часа два в деревне было тихо. Только слышно было, как бренчат на ветру консервные банки, навешанные на колючую проволоку за бревенчатым забором. Каждые десять—пятнадцать минут в небо взлетали контрольные ракеты.

Рассвело. Заметив на сосне какой-то странный предмет и рассмотрев в бинокль дорогие черты своего «фюрера», гитлеровцы сначала попытались одиночными выстрелами перебить веревку. Это им не удалось. Тогда, видимо, будучи не в силах перенести такое надругательство над Адольфом Гитлером, они подняли дружную стрельбу. Чучело раскачивалось из стороны в сторону, вздрагивало от прямых попаданий, но пули только увязали в его снежной утробе.

Так продолжалось около часа. Мы лежали, ничем не выдавая себя. Фашисты, наверное, подумали, что это просто хулиганская выходка со стороны «черных дьяволов» (так они называли нас за наши бушлаты),— повесили Гитлера, а сами, вероятно, ушли. Для проверки они выслали своего солдата. Из нашего укрытия мы видели, как он осторожно просунулся в пролом в заборе, сполз в лощину. Дали ему подползти поближе и полоснули сразу из двух автоматов. Солдат остался лежать на снегу.

Тут-то и началось то, на что мы рассчитывали. Решив, что чучело лишь приманка, а в лесу притаилась засада, фашисты открыли буквально шквальный огонь из винтовок, карабинов и даже минометов. Что и говорить, «музыка» была не из приятных. Один осколок попал Ступаку в противогаз, другой отбил носок у лыжи. И все-таки, вжавшись всем телом в снег, стараясь почти не дышать, чтобы даже парок дыхания нас не выдал, мы ликовали. Наше дело сделано.

Тем временем километрах в трех-четырех отсюда под шумок действовал Горелов с ребятами. «Язык» благодаря нашей отвлекающей операции был добыт.

А чучело Гитлера еще несколько дней болталось на суку, пока фашисты его совсем не изрешетили.

ЛЮБОВЬ В КАНУН ОЛИМПИИ

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

— Ты считаешь это порядочным — тайком приглашать Лену в кино, а после еще полтора часа якобы обсуждать с ней «Призрак замка Моррисвиль»? — в упор спросил я своего друга Гиви Дзагания.

— А кто на полтора часа заманил Ленку в читалку, в после еще столько же якобы объяснял ей трудные места в «Политэкономии»? — отбил Гиви мой кавалерийский наскок.

И мы надулись друг на друга. Дулись шесть дней. А на седьмой выяснилось, что Гиви умнее. Он подошел ко мне и, глядя в сторону Кавказских гор, где приютился его родной Бакуриани, задумчиво сказал:

— Слушай, Саня, мы работаем с тобой на одном заводе, в одном цехе, мы оба — токари пятого разряда...

— Ты что, решил рассказать мне мою биографию?

— Мы оба висим на одной доске почета,— невозмутимо продолжал Гиви.— Короче, по производственной линии идем ноздря в ноздрю. Но мы, Саня, еще и спортсмены, и вот здесь кое-что для нас открывается: нельзя, к примеру, сразу двоим победить на ринге...

— Значит,— осененно подхватил я,— кто побеждает в ближайших соревнованиях, тот и...

...Уже во втором раунде я понял, насколько был прав Гиви — победить на ринге сразу обоим никак нельзя. Осознание этой истины началось после левого крюка Гиви, которым он проверил прочность моих ребер; пока я тщетно пытался схватить ртом кусочек воздуха, правая перчатка Гиви углубила постижение вышеозначенной истины, войдя в тесный контакт с моим подбородком. Окончательно я уверовал в философский склад ума Гиви Дзагания уже под канатами, которые казались мне то тонкими нитками для штопки носков, то толстыми бревнами для постройки новомодных загородных ресторанов — в голове что-то шумно пульсировало.

На следующий день, когда я, сломленный морально и физически, лежал на кровати, тупо изучая бюллетень, ко мне нагло заявился мой лютый враг Гиви Дзагания.

— Я подумал,— сказал он,— что проигравший должен иметь право на реванш. Через две недели чемпионат завода по дзюдо.

В скупой мужской признательности я молча положил ему руку на плечо...

И вот мы уже топчемся с Гиви на татами. Терять мне было нечего, и я атаковал, как дикая кошка, которая знает, кто утопил ее котят. Сделав подсечку, я обеими руками захватил ступню Гиви и свернул ее набок. Это называлось провести болевой прием. Поэтому меня не судили за членовредительство, а объявили победителем...

В острой конкурентной борьбе незаметно промелькнула осень. Холодной рукой зима сразу же швырнула нас на лыжню. В гонке на 15 км я обштопал семерых парней, ушедших до меня, и, финишировав, стал ждать результата Гиви.

Прошло десять... тридцать минут... Все уже пересекли финишный створ, только Гиви Дзагания не пересек. Не пересек он его и к вечеру. Снарядили поисковые группы, рассыпались по тайге. И нашли Гиви... сладко спящим в избушке лесника. Оказывается, дитя гор, заблудившись, решило не тратить сил попусту и расквитаться со мной в прыжках с трамплина. Здесь Гиви Дзагания был не просто в родной стихии. Он был королем воздухоплавания на лыжах. Когда Гиви, оттолкнувшись от стола отрыва, ушел в полет, все думали, что он будет парить вечно...

С первыми теплыми днями неугомонные заводские физкультурники спустили на воду все, что плавает, и назначили на воскресенье гонки на байдарках. Естественно, мы с Гиви были в гуще событий. По счастью, из этой гущи мне удалось выбраться к концу дистанции и оставить Гиви с носом (лодочным, конечно). Увы, то же самое он проделал со мной в гонках на каноэ — этих непонятных мне челнах североамериканских индейцев. Уже у самого финиша, страстно желая победы, я запустил весло поглубже и... Вытащенный на пирс, посиневший, я тут же сквозь перестук зубов дал согласие на участие в многодневной велосипедной гонке — очень хотелось согреться.

Первые пять этапов у меня не было конкурентов — воспоминания о преждевременной купели гнали и гнали меня вперед. И лишь на шестой день я вдруг почувствовал, что наконец-то согрелся. Меня даже как-то разморило. Вскоре, правда, выяснилось, что наш по-восточному пестрый караван просто-напросто перекочевал из мая в июнь.

На радостях последние этапы я проехал в прогулочном темпе, любуясь окрестными пейзажами, улыбаясь безоблачному небу, певчим пташкам и полевым цветочкам. За что и был дисквалифицирован судейской коллегией.

У Гиви появился осязаемый шанс разделаться со мной окончательно: предстояли состязания в конкуре. А он, Гиви Дзагания, как-никак джигит и с лошадьми на «ты». Однако судьбе, видно, захотелось похихикать над Гиви: она подсунула ему презлющую кобылу по имени Алабама. Эта красотка не только не желала прыгать через препятствия, но перед каждым из них сбрасывала Гиви на землю. Подозреваю, что именно за человеконенавистничество окрестили ее именем расистского штата.

Дальнейшие события развивались по регламенту, выработанному еще осенью и закрепленному зимой и весной. Гиви буквально «расстрелял» меня из винтовки, будто это я был «бегущим кабаном»; поэтому в стрельбе из лука мне ничего не оставалось, как показать ему, что бы я, краснокожий, сделал с ним, бледнолицым, во времена освоения дикого Запада...

Все должно было решиться завтра. Летний сезон заканчивался бегом на 10 000 метров.

Со старта мы ушли плотной гурьбой. Но уже на первом круге выяснилось, кто есть кто: наиболее предприимчивые тотчас захватили бровку, заставляя деликатных, воспитанных бегунов тащиться в обозе. Машинально взглянув на Гиви, я похолодел. Есть такое понятие — спортивная злость. Так вот в глазах Гиви легко читалась спортивная ярость. Через секунду он спуртовал так неистово, что отбросил всю нашу меланхоличную компанию метров на двадцать.

— Братцы! — приглушенно завопил я.— Да ведь он уйдет! Задержите его!

— Этот добегался...— услышал я прерывистый шепот.— Прямиком жмет в дурдом...

Поняв, что помощи ждать не от кого, я со словами «разрешите!», «секундочку!», «виноват!» принялся проталкиваться вперед.

Финишную черту Гиви и я пересекли одновременно.

Переглянувшись, мы на ходу приняли единственно верное решение: продолжить бег до дома гражданки Елены Поповой.

Нырнув в тоннель под трибунами, мы покинули пределы стадиона и устремились по Олимпийскому проспекту к центру города. Километра через два свернули на улицу Михайлова — Петрова — Харламова, а потом в переулок Железобетонной защиты, где и жила гражданка Попова.

И вдруг... мы увидели ее самою. Она шла нам навстречу и еще издали, приветливо улыбаясь, закричала:

— Ребята, где вы пропадали целый год?

— Товарищ Попова...— начал я, чувствуя, что теряю сознание от изнеможения.

— Кто из нас... победил? — заплетающимся языком закончил Гиви.

Улыбка у гражданки Поповой сделалась какая-то грустная, и она, видимо, догадавшись уже, в чем дело, сказала:

— Победил, как всегда, сильнейший...

— Кто же?!

— Коля Петухов. Он сделал мне предложение, и теперь я тоже Петухова.

— Значит, все было напрасно!..— гортанно вскричал Гиви.

— Нет, не напрасно!

Это развеселое восклицание принадлежало не гражданке Петуховой-Поповой, а нашему тренеру, выскочившему из затормозившей рядом «технички».

— Не напрасно! — восторженно повторил он.— Одной десятой секунды до мирового рекорда не дотянули! Оба будете включены в олимпийскую сборную страны. Поедете в Москву на Олимпиаду-80!

— Ре-бя-та! — умиленно протянула Ленка.— И все это из-за меня? Дайте я вас расцелую!

А наш тренер подал Ленке руку и проникновенно сказал:

— Спасибо вам, гражданка, за содействие в подготовке спортсменов международного класса!

— Дети? Это сейчас немодно.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Совесть говорит в каждом, но ее часто заглушает голос разума.

Наилучший способ избавиться от мании величия — стать великим.

Прокладывая новые пути, часто ломают тротуары.

Е. ТАРАСОВ

Уцененный друг опасней недруга.

Ц. МЕЛАМЕД

Возражал, даже когда с ним соглашались.

Шел в бой с открытым капканом.

Был так рассеян, что даже забывал думать.

Кто платит за музыку, тот может пропускать ее мимо ушей.

Проще всего обманывать того, кто думает, что он нас обманывает.

Л. ЛЕОНИДОВ

Чужая бескрылость окрыляет.

Если женщина не пользуется успехом среди мужчин, значит, у нее слишком много достоинств.

Юрий АНДРЮХИН

БЮЛЛЕТЕНЬ ОТПИСЧИКА №3

Регулярное крокодильское издание

для обмена опытом мастеров художественной отписки

«УГАДАЙКА», «УГАДАЙКА» — ИНТЕРЕСНАЯ ИГРА!» — так мы назвали ответы, в которых на вопрос жалобщика со стороны авторитетного лица возникает вдруг сразу несколько неожиданных и сложнейших вопросов, и вместо того чтобы искать виновного и ратовать за справедливость, жалобщик берет карандаш, логарифмическую линейку, обкладывается справочниками и начинает ломать голову. Вот очень характерный экземпляр такого ответа, поступившего на имя гражданки Сивковой В. М., проживающей в г. Краснотурьинске Свердловской области, от ответственного работника минского завода «Транзистор» тов. Квитко В. А. В ответ на жалобу по поводу бракованного браслета, который Сивкова приобрела вместе с часами «Электроника Б-6-203», Квитко послал ей список заводов-изготовителей, расположенных в разных городах нашей страны. И пока Сивкова с любопытством рассматривала географический атлас, имя истинного виновника затерялось среди неровностей рельефа.

«ТЫ МНЕ — Я ТЕБЕ!» — а это новый раздел отписок, в которых четко, квалифицированно и обстоятельно, по пунктам, опровергаются все до одной претензии жалобщика. Вот как, скажем, в ответе зам. начальника Кемеровского производственного объединения автовокзалов и пассажирских автостанций тов. Лобова Г. М. на жалобу участкового инспектора Госстраха по Топкинскому району тов. Панариной Н. М., которая хотела выехать в село Шишино, но на станции ей не продали билета на автобус. «У меня остался один билет,— отвечала кассир,— может, кто-нибудь будет до Усть-Сосново». Дело оказалось простое: продавать дорогой билет до промежуточной остановки Шишино было невыгодно — горел план. Выйдет пассажир в Шишино, а место до конечного Усть-Сосново будет пустовать! И хотя тов. Панарина ехала в важную командировку, а других автобусов до села Шишино не было, билета ей так и не продали. Однако другая гражданка, более предприимчивая, которая ехала тоже до Шишино, просто взяла и купила этот билет, переплатив за проезд почти вдвое. Решила тов. Панарина поспорить — ничего не вышло, захотела выяснить фамилию кассира — не сказали, попыталась узнать фамилию женщины, купившей билет,— вытолкали из автобуса, потребовала жалобную книгу — не дали. Так и ушла домой в расстроенных чувствах.

И вот ответ тов. Лобова, который хочется привести целиком:

«...при проверке письма установлено следующее: продажа билетов кассирами производится в порядке живой очереди до пункта назначения пассажира. Книга жалоб и предложений находилась в объединении автовокзалов на проверке. Факт грубого отношения к автору письма со стороны работников автостанции не подтвердился. Фамилию кассира автор письма могла бы узнать из таблички «Вас обслуживает кассир...», которая стоит на видном месте у окошка кассы. Автору письма следовало бы воспользоваться услугами автостанции и по телефону, заблаговременно, забронировать себе место в автобусе либо приобрести билет предварительно за 7 суток».

Остается добавить, что зав. отделом писем топкинской газеты «Ленинский путь» тов. Кузьмин А. Н., проверявший жалобу на месте, специально зашел на вокзал, но табличек «Вас обслуживает кассир...», на которые ссылается тов. Лобов, ни в одном окошке не обнаружил. И книги жалоб тоже «на видном месте» видно не было... Куда же она исчезает? Дабы не запачкать честь мундира, у администрации ответ всегда обескураживающе прост: «В объединении!» «У директора!» «На проверке!»

«ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ!» — такое название мы дали отписке, опубликованной в № 20 от 12 февраля 1980 г. в алексеевской районной газете «Заря» (Белгородская область), вырезку из которой прислал нам читатель тов. П. Григоренко из г. Алексеевка. Сами посудите, как весело стало жителям села Круглое, как все сразу устроилось, когда прочли они такую заметку под рубрикой «Заре» отвечают»:

«Жители села Круглого написали в редакцию о том, что им трудно добираться до районного центра, так как автобус ходит только до села Красного-1.

На письмо отвечает заместитель начальника автоколонны № 1467 В. П. Шаповалов: «В настоящее время автобусный маршрут «Алексеевка — Круглое через Красное-1» не действует, потому что дорога между этими селами находится в непроезжем состоянии».

«ЖДИ И НАДЕЙСЯ!» — отписки под таким заголовком воспринимаются жалобщиками как таблетки валидола. Прочтут люди ответ — и успокоится сердцебиение. А стоит только вновь забарахлить пульсу, как нате вам — новая отписка-таблетка! Наш читатель из Донецка тов. Михлин В. И., инвалид II группы, поведавший нам о таких отписках, живет на первом этаже пятиэтажного дома — и как раз напротив футбольного поля 100-й средней школы. И ежемесячно шальные футбольные мячи, посланные неумелыми ногами начинающих форвардов, крушат ему стекла. И уж те самые мальчишки, которые когда-то гоняли мячи, давно стали инженерами и, может, педагогами этой самой школы, а обладатель постоянно разбитых окон все получает и получает заинтересованные и обнадеживающие письма из Петровского районного отдела народного образования, насыщенные валидольными строчками: «...в настоящее время ведется реконструкция спортивной площадки...», «На футбольные ворота будут обеспечены сетки...», «Вопрос о защитных сетках у забора будет решаться дополнительно...»

И только сел писать письмо в «Крокодил» тов. Михлин, как — дзынь!! — опять вдребезги стекло. А ежемесячные ремонты встают в копеечку, но взыскивать не с кого. Работники милиции, к которым обратился отчаявшийся потерпевший от футбола, резонно возразили: «Поймайте шельмецов, приведите — мы с родителей взыщем!» Правда, почему-то не учли, что человеку на костылях нелегко угнаться за шустрыми пацанами, но это так, к слову...

«Бюллетень», как всегда, благодарит всех своих корреспондентов и ожидает пополнений своей коллекции выдающихся отписок.

ПРИМЕЧАНИЕ. Мы стараемся сохранять стиль ответов без изменений, поэтому ответственности за вольное обращение с русским языком не несем.

Дежурный по отпискам
А. ХОДАНОВ.

Рисунок С. АШМАРИНА

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Рисунок Е. ГУРОВА

— Ласточка ты моя!

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

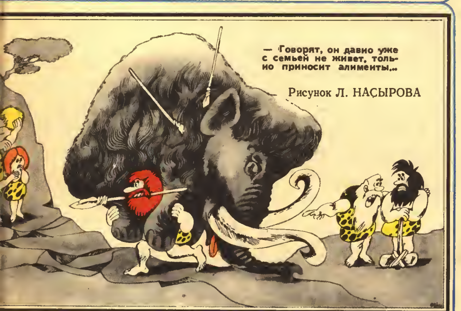

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок Е. МИЛУТКИ

— Говорят, он давно уже с семьей не живет, только приносит алименты...

Рисунок Л. НАСЫРОВА

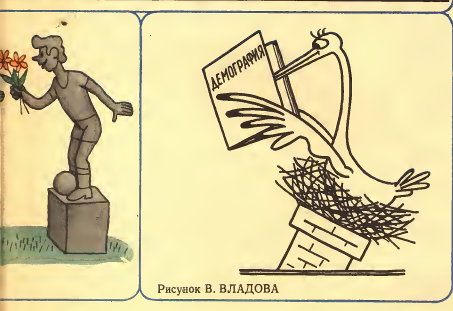

Рисунок В. ВЛАДОВА

Сергей РЕВЗИН

«Металлоемкость многих выпускаемых машин и оборудования остается непомерно высокой».

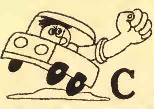
Из материалов ноябрьского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС.

Это быль, а может, небыль,
Я на том заводе не был,
Только слышал — говорят,
Тот завод а станкостроенье
С необыкноаенным рвеньем
Свой аносил аесомый вклад.
В производство там, к примеру,
Запустили новый пресс,
Удивительных размероа
Чудо-пресс-тяжеловес.
Поднимали аеликана
Три особо мощных крана.
Выаозила исполина
Шестьдесят одна машина.
Пресс-гигант! Но для чего же!
Как я слышал от людей,
Для штамповки то ль застежек,
То ли... этих... «бигудей».
Если кто-нибудь с укором —
Мол, гора рожает мышь,—
Весь завод — горой за гору:
Весом нас не укоришь!
Налицо имеем справки,
Что на пресс дано добро,
Как положено, и в главке
И в конструкторском бюро.
Это с их благословенья
Выпускать мы мастаки
Для расточки, для саерленья
И другого назначенья
Сверхаесомые станки.
Это быль, а может, небыль,
Сам я лично в главке не был,
Только слышал — говорят,
Кто-то вдруг забил в набат,
Чтобы главк стране отдал
Перетраченный металл,
Чтобы он — и поделом! —
Собирал металлолом.
И установили нормы:
Соберет начальник сам
Ровно сорок три платформы,
Тридцать семь вагонов — зам.
Подчиненным сдать на базу
По двенадцать полных КрАЗоа.
Сортировку, переплавку
Предписали также главку.
...Мне ручаться неохота,
Но я слышал — говорят,
Весоемкая работа
В глааке до седьмого пота
Восемь лет идет подряд.
Лично я в том главке не был
И скажу на этот счет:
Где тут быль, а где тут небыль,
Пусть читатель сам поймет!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Андрей ВАВРА, специальный корреспондент Крокодила

МАЛЬЧИК С ЭЛЕКТРОСТАТИКОМ

В этот день природа настойчиво сигнализировала, что на свете живется удивительно хорошо. Солнце лениво зависло над идиллически настроенным пейзажем, состоявшим из речки, упакованной в уютные берега с горячими песчаными проплешинами на них. Речка мирно журчала, птицы весело чирикали, а в глуховатых стонах коров, бродивших по холму, прослушивались интонации безоблачного оптимизма.

Неудивительно поэтому, что у возвращавшегося в собственных «Жигулях» после воскресного отдыха вместе со своей семьей и родственниками Евгения Ивановича Ракитина было отличное настроение.

Но неподалеку от живописного места Евгений Иванович вынужден был притормозить: по дороге проходила колонна пионеров — около ста ребят, спешивших в свой лагерь «Салют». Ребята расступились, освобождая дорогу. А десятилетний Саша Егоров, идя вслед за медленно проезжавшей машиной, наступил на волочившийся по земле электростатик. Электростатик же, как на грех, взял и оторвался...

Странный звук донесся до Евгения Ивановича. Почуяв недоброе, он остановил машину.

— Кто это сделал? — подняв резиновую полоску, спросил он.

— Вон этот! — закричал Дмитрий Яковлевич Осипов, брат жены.

Вдвоем пионера обезвредили быстро. Заломив распоясавшемуся хулигану руки, Дмитрий Яковлевич ударил его кулаком по затылку, Евгений Иванович стукнул пару раз головой об дерево, но больше орудовал электростатиком, хлеща паршивца по чем попало. При этом он любопытствовал, Егоров ли посягнул на чужую собственность, а если да, то зачем и по какому праву...

Скоро бы, наверно, все и закончилось, если бы кто-то из ребят не помчался за взрослыми, подключив новых действующих лиц и тем самым внеся в события драматические осложнения.

Первой прибежала родительница Галина Ивановна Салыкина, и хотя мальчик Егоров был вовсе не ее, она, не осознав воспитательного значения данного педагогического мероприятия, стала кричать.

Кому из жен приятно, когда ругают вашего мужа, да еще норовят его толкнуть? Валентина Яковлевна Ракитина ссадила своего ребеночка с коленей, вылезла из машины и ухватила разбушевавшуюся родительницу за прическу.

Тут вмешались подоспевшие пионервожатые. Но Валентина Яковлевна уже распалилась: она вырвалась, обошла свою противницу и, разбежавшись, ударила ее ногой в спину.

Все это время автомобильная сторона оглашала окрестности воинственными криками:

ОСИПОВ (Ракитину, указывая на Сашу). Секи его, чтобы следующий раз не рвал!

РАКИТИН (начальнице лагеря). Он мне за эту резинку будет платить две тысячи рублей! Его убить мало за это!

РАКИТИНА (Салыкиной). Я тебя растопчу, дохлая!

Кроме того, из уст вышеупомянутой троицы лился отборный мат, и мы понимаем, что это неспроста, а тоже в целях воспитательного воздействия на остолбенело застывших детей...

Проведенная медицинская экспертиза обнаружила у Саши восемь кровоподтеков, вызванных ударами резиновой полоской по голой спине, плечам и ногам, а у Г. И. Салыкиной — синяки на спина и руках.

Природа же, как будто ничего и не случилось, продолжала светить, плескаться и чирикать...

Зато официальные органы города Уварово на происшествия отреагировали. Началось следствие, которое, впрочем, несколько затянулось. Евгений Иванович Ракитин, главный врач Инжавинского санатория, был слишком уважаемым лицом, чтобы подходить к нему с обычными мерками. Поэтому еще раз, пристально глядя в глаза, опросили потерпевших: действительно ли они имеют претензии к Ракитиным и всерьез ли затаили обиду? Потерпевшие же признались, что претензий больше не имеют,— и в самом деле, они ведь знали, что били их такие уважаемые люди. И что вообще за знакомство с Евгением Ивановичем и его супругой они должны быть даже благодарны и испытывать к ним теплые, почти что родственные чувства...

Но все же Евгению Ивановичу крупно влетело. Инжавинский райком партии объявил ему выговор. На этом все и закончилось.

* * *

В том, что дело все-таки не стоило и выеденного яйца, Евгений Иванович был убежден еще в самом начале следствия.

— А что такого? — недоумевал он, беседуя с автором этих строк.— Разве вы сами на моем месте не дали бы пацану по шее?

А что такого, действительно,— пацану по шее... А?

г. Уварово, Тамбовской области.

— А моему предку оклад удвоили!

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

Рисунок И. СЫЧЕВА

ЭХ! ДОРОГИ!

ВИЛЫ В БОК!

Горе на горе

Хозяйства Могилев-Подольского района Винницкой области затеяли строительство комбикормового завода на паях. Но разгорелся спор, где строить. Каждый из руководителей желал, чтобы комбикорм вырабатывали вблизи от его владений.

— А что зря спорить! — рассудил председатель райисполкома тов. Семеренко.— Строить нужно в райцентре, на горе. Чтоб, значит, всем пайщикам было видно, как работает их предприятие!

— Стало быть, придется стройматериалы на вершину горы поднимать! — возразили строители.— И самим альпинизмом заниматься! К тому же на нашей горе образовались оползни...

— Ничего, забьете сваи, укрепите фундаменты,— посоветовал предрик.— Заодно укрепите свое здоровье. Альпинизм полезен...

Ну, забили строители сваи, потом стали возводить стены. Три года строили. А когда комбикормовый завод был готов, собралась комиссия. Для торжественности даже оркестр пригласили.

Но не успели оркестранты грянуть туш, как раздался отнюдь не музыкальный звук. С жалобным треском начали расползаться стены...

— Ничего,— бодро заметило районное руководство.— Построим новый завод на ровном месте возле государственного комбикормового завода. Гоните монету на новый пай!

— А может, лучше вообще не строить свой завод, а сдавать зерно для переработки на комбикорм на государственный! — сомневаются руководители хозяйств.

Уж очень им не хочется снова раскошеливаться. Ведь на развалившийся завод ушло ни много ни мало, а целый миллион рублей!

В. МИХАЙЛОВА

Спасительная статья

Ищущие люди всегда находят скрытые резервы.

Железнодорожники со станции Волжский Волгоградской области долго обдумывали проблему ускорения оборачиваемости вагонов, пока не обратили внимания на статью 57 Устава железных дорог СССР.

Позволяла эта статья исчислять время нахождения груза в пути не с момента, когда он действительно был отправлен, а со дня, на который формально было назначено отправление.

— Вот они, резервы! — восхищенно прошептали железнодорожники.— Получаем мы, скажем, от клиента контейнеры десятого числа и в этот же день отправляем, а в накладной пишем, что погрузка была назначена на двадцатое число. Выходит, что время пребывания в пути как бы на десять дней уменьшится.

Заметно повеселели работники со станции Волжский: с фантастической быстротой стали прибывать теперь вагоны клиентам, лишая тех надежд на штрафные санкции, которые раньше в изобилии сыпались на головы нерасторопных железнодорожников.

Одно только смущает волжан: а вдруг прибудут клиентам грузы «завтрашней» отправки!

С. ПЕСТОВ.

ТРИ РАССКАЗА

Евг. ОБУХОВ

История одной семьи

Поссорились мы с Ленкой в очередной раз из-за какого-то пустяка. Отодвинулась она от меня на краешек нашей табуретки, к окну отвернулась, а я — к телевизору. Сидим, сопим.

— Ну, все,— печально говорит Ленка.— Это не жизнь, надо разводиться!

— Нельзя сейчас,— убежденно говорю я.— Подумай, как мы конспекты и учебники делить будем.

Она вздохнула.

— Ладно, так и быть. Поживем еще немного, пока на второй комплект учебников накопим.

Пожили мы еще немного, накопили на учебники. Потом опять поругались. Разбрелись в разные углы комнатки: я — к телевизору, она — к детской кроватке.

— Ну, с меня хватит. Разводимся! — решительно заявляет она.

— Ты что, — невольно кричу я,— собираешься финскую стенку делить?!

Пожала она плечами, нехотя кивнула:

— Ну, хорошо. Поживем еще немного, пока на вторую стенку очередь подойдет.

Пожили мы еще, подошла очередь на стенку. А согласия семейного по-прежнему никакого нет. Опять, можно сказать, полаялись. Она в сердцах тарелку разбила, я — телевизор выключил. Потом она в другую комнату убежала, кричит оттуда:

— Изверг! Видеть тебя не могу! Сегодня же разойдемся!

— Сказилась на старости лет?! — ору я.— По-твоему, это шутка: квартиру, дачу и машину делить?!

Только Ленка мне что-то ответить собралась, наша дочь из своей комнаты выглянула. Зевнула и говорит:

— Хватит вам шум подиимать! Учтите, что завтра я сама с Вадиком расхожусь. Машину он заберет, дачу — я, а квартиру и без вас разменяем.

Хлопнула она дверью, а мы с Ленкой вышли на кухню, сели на одну табуретку, посидели.

— Ну, что ж, Лена,— говорю я,— теперь не возражаю. Делить нам нечего. Можно расходиться.

— Дурачок ты...— задумчиво отвечает она.— А про внука забыл, что ли?!

Помолчали мы еще немного, подумали, а потом все-таки разошлись. Она — к плите манную кашу готовить, а я — в ванную пеленки стирать...

С. МАНДРАШОВА

Автомат, который любил людей

Это был обычный старый автомат. Он висел в разбитой телефонной будке. За многие годы автомат слышал столько людских тайн, был свидетелем стольких бед и радостей, что стал без разрешения вмешиваться в чужие судьбы.

День начался как обычно. Прискакали две болтушки с бантиками и застрочили без передышки, перебивая друг друга. Автомат внимательно слушал, хрипло, старчески вздыхая, передавал их болтовню в другой конец города и наконец, не выдержав, отключился. Пусть бегут в школу, на урок опоздают.

Потом зашел расстроенный чем-то парень. Он был мрачен и, набирая номер, нервно пыхтел сигаретой. Его абонент молчал.

— Спит он, что ли? — злился парень. И вновь крутил диск.

Автомат собрал дряхлеющие силы и послал такой силы звонок, что спящий абонент подскочил, как будто на него плеснули кипятком.

— Петр,— спросил мрачный парень,— и ты можешь спать в такую минуту?

— Да, а что?

— «Спартак» проиграл, вот что!

Эх, молодежь, молодежь! И о чем она только думает!

Парня с сигаретой сменил рассеянный мужчина, который беспрестанно что-то искал. Однако это что-то упорно не находилось.

— И как я мог потерять телефон своей дочери?! — наконец в отчаянии воскликнул он.— Ведь я оборвал последнюю связь с ней, понимаешь ты это, автомат?

Автомат все понимал и поэтому вопреки правилам зазвонил по собственной инициативе.

— Алло, я вас слушаю! — сказал рассеянный человек, снимая трубку.

— Позвоните в справочное бюро.

— Действительно,— удивился человек,— как это я сразу не сообразил? А кто это говорит?

Но трубка молчала.

— Справочное, алло, справочное?..

— Эй папаша, задерживаешь! — в дверь стучался молодой человек.

— Привет, старушка! — крикнул он в трубку своей дальней знакомой. И долго мучил ее развязной болтовней.

— Девушка, а я вас знаю,— послышалось вдруг в трубке.— Вы каждый день звоните своей больной подруге. Вы очень красивы, потому что голос ваш добр. Этот хам не достоин вас.

— Папаша, подслушивать вредно.

— Я не подслушиваю. Я телефон.

— А ведь он прав,— решила девушка и повесила трубку.

Телефон с наслаждением запульсировал частыми гудками прямо в ухо развязному детине.

На закате прибежал растрепанный, взмыленный парень.

— Неужели во всем мире нет ни одной двухкопеечной монеты?! Ведь она сейчас уедет, и все будет кончено! — умолял он каждого встречного, но встречные отрицательно качали головой. Потеряв всякую надежду, парень стал лихорадочно крутить диск, и автомат соединил его.

— Рита, я люблю тебя!

— Глупый, милый мальчишка, приезжай, мы должны встретиться...

Парень в счастливом изнеможении прислонился пылающим лицом к автомату. Только что пережитое потрясение пятнами догорало на его щеках. А потом, немного успокоившись, он подумал: «Что это за таксофон такой, который бесплатно дает абонента!»

На следующий день в будке висел новенький автомат. Растрепанный, взмыленный парень, звонивший любимой Рите, был монтером телефонной станции и верно понимал свой долг.

г. Тюмень.

Евгений КОЛОДИЙЧУК

Схватка с компьютером

Когда я зашел в гостиницу, за столом администратора сидела внушительных размеров компьютерша.

— У вас номер найдется? — несмело спросил я.

На груди у машины тотчас загорелось красное табло:

Мы просим извинения
СВОБОДНЫХ МЕСТ в гостинице НЕТ

Я полюбовался современной техникой, переступил с ноги на ногу и решил переспросить:

— А может, все-таки есть?..

А если есть, то не для ВАС

загорелось табло немного ниже первого.

Такой откровенности от роботихи я не ожидал.

— А для кого, простите? — спрашиваю.

Та несколько раз мигнула своими цветными стекляшками, где-то в ней что-то щелкнуло, прозуммерило, и примерно на уровне талии сверинуло доверительно мелким петитом:

Главробот сказал: придержать несколько мест.

И знакомая компьютерша тоже об этом просила — к ней должны приехать гости.

«Вот что значит техника»,— ошарашенно и влюбленно глядел я на электронную администраторшу, готовый расцеловать ее за откровенность.

— Так, может, найдете хоть раскладушку? — просительно взглянул я в стеклянные глаза.— Что ж мне, в парке где-нибудь ночевать?

А НЕ ПОШЛИ БЫ ВЫ В ДРУГУЮ ГОСТИНИЦУ?

Мелькнула на компьютере крупношрифтовая надпись, но тут же исчезла.

Обреченным взглядом обводил я стены и вдруг заметил последний абзац рекламного объявления: «Компьютеры достигли такого совершенства, что мало чем отличаются от человека».

И тут, вспомнив о древнем изобретении, которое действовало там, где логика пасовала, я положил перед электронной физиономией паспорт с трешницей.

Во внутренностях роботихи защебетало, как в кассовом аппарате, когда он выбивает чек. На свет божий появилась цветная листовка-квитанция и мягко упала передо мною на стол. Слепящими буквами запламенело табло:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,
уважаемый Авксентий Карпович!
Думаем, что Вам тут понравится.
Спасибо, что заглянули.
ЗАХОДИТЕ ЕЩЕ!

Я небрежно взял ключи и пошел в свой номер.

С украинского перевел Ян ОСТРОВСКИЙ.

Чаще всего фельетонисты из областей и республик нашей страны встречаются друг с другом на страницах «Крокодила». Глядишь, в одном номере соседствуют фельетоны К. Егиазаряна из Еревана и Н. Кейтио из Одессы, в другом — сатирический репортаж ленинградца Б. Лившина и заметка Д. Гисметдинова из Казани, в третьем — выступают владивостокский сатирик В. Куцый и алмаатинец К. Амирбеков... Но вот, чтобы, как говорится, в очном порядке собраться вместе, потолковать о насущных проблемах жанра, поделиться опытом работы в нашем сатирическом «хозяйстве»,— это случается не так уж часто.

Тут на помощь приходит Союз журналистов СССР. Время от времени, вкупе с «Крокодилом», он собирает фельетонистов вместе, чтобы провести творческое совещание, поучить мастерству молодых, послушать ветеранов.

Так было и в этот раз. Союз журналистов СССР, Союз журналистов Узбекистана совместно с редакциями журналов «Крокодил» и «Муштум» провели большой «фельетонный той» в гостеприимном Ташкенте.

«Той» — по-узбекски праздник. И действительно, все выглядело весьма торжественно, хотя съехалось сюда сто восемьдесят журналистов, работающих в области сатиры и юмора в газетах, журналах и на радио, для участия в сугубо деловом семинаре на тему «Место фельетона в борьбе с негативными явлениями в нашем обществе». Словом, праздник праздником, а разговор был серьезный.

Как на современном этапе эффективнее оттачивать оружие сатиры, как смелее вскрывать недостатки с тем, чтобы быстрее избавиться от них, чему учит нас партия, ее ленинский Центральный Комитет — говорили в своих докладах главный редактор журнала «Крокодил» Е. Дубровин, главный редактор узбекского сатирического журнала «Муштум» И. Рахим, главный редактор газеты «Лесная промышленность», автор интересной книги «Оружием политической сатиры», кандидат исторических наук В. Алексеев, декан факультета журналистики МГУ профессор Я. Засурский, редактор газеты «Известия» по отделу фельетонов В. Надеин и редактор отдела культуры и быта «Крокодила» Я. Полищук.

В совещании приняли участие работники ЦК Компартии Узбекистана.

А затем начались занятия в секциях. Руководители их и участники, анализируя фельетоны, напечатанные в областных и республиканских газетах и журналах, переданные по радио и телевидению, говорили о том, что фельетонистам надо активнее включаться во всенародный поход против всяких проявлений бесхозяйственности, расточительства, нерадивого отношения к народному добру. Очерчивая задачи сатиры, ее тематику, они подчеркивали воспитательную роль фельетона. Лихоимство, стяжательство, пьянство, хулиганство — все это подсудно сатире. И место для разоблачительного фельетона должно найтись в каждой газете, в каждом журнале. Разумеется, для фельетона актуального, поднимающего значительные общественные вопросы, острого, художественно совершенного.

Словом, было о чем поговорить фельетонистам. И они это делали со всей присущей им откровенностью и задором. Так что семинар прошел, по общему мнению, не только в праздничной, но и в творческой атмосфере.

ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА ФАНТАЗИИ

Дело было в воскресенье. На берегу известной своей близостью к Вашингтону реки Потомак сидели два высокопоставленных чиновника министерства обороны США — Уильям Перри и Сэймур Зейберг и удили рыбу. Вид у обоих был мрачный, и не только потому, что поклева не было в помине.

— Ну хоть что-нибудь надумал? — с надеждой спросил Уильям.

— Ничего в голову не лезет. Может быть, десант русских на пятой авеню...

— Слабо. Уже было. Шеф велел что-нибудь пооригинальнее, чтоб кровь стыла в жилах. Ты смотри, и так не клюет, а тут еще этот проклятый катеришко сейчас спугнет всю рыбу.

Катер прошел мимо, и поплавки обоих рыбаков закачались на воде.

— Гип-гип-ура! Придумал! — завопил Зейберг.— Теперь любой американец даже с железными нервами будет вскрикивать во сне и звать маму.

— Говори скорее! Что?? Сэймур, ты гений. Вот это будет сенсация! Слушай, а поверят?

И что вы думаете? Поверили, успех был потрясающий. Но расскажем все по порядку. Бенефис шефа — министра обороны США Брауна — и его двух не менее бравых чиновников состоялся во время слушания в конгрессе вопроса об ассигнованиях на вооружение.

Министр сразу взял быка за рога. Он утверждал, что если сейчас, сию же минуту не приступить к созданию и развертыванию новейшей системы межконтинентальных баллистических ракет «МХ», то по всему населению Соединенных Штатов можно отслужить заупокойную мессу.

— Ну, ребята, а теперь давайте вы,— дал он команду Перри и Зейбергу.— Расскажите уважаемой комиссии поподробнее о чудовищном замысле Москвы.

— Русские вызовут прилив! Это будет такой прилив, это будет такая волна,— захлебывался, вспоминая поплавки, Зейберг,— которая уничтожит все наши подводные лодки! Кроме того, прилив сметет с лица земли города и железные дороги, заводы и электростанции. Все США исчезнут в пучине морской, леди и джентльмены!

— Да, но как русские вызовут такой колоссальный прилив?

— Очень просто,— не моргнув глазом разъяснил Перри.— Они забросают американские прибрежные воды ядерными боеголовками.

И тут послышались рыдания. Плакал известный своими нежными чувствами к военно-промышленному комплексу член сенатской комиссии по делам вооруженных сил сенатор Дж. Тауэр.

— Бедные мы, несчастные! — причитал он, заламывая руки.— Я буду настаивать, чтобы наш военный бюджет, хотя он и так рекордный, был круто увеличен.

— Памятник! Памятник при жизни сенатору Тауэру! — вскричало трио в составе Брауна, Перри и Зейберга.

Успех превзошел все ожидания. Большинством голосов члены комиссии приняли программу закупок вооружений, которая на 5,6 миллиарда превысила даже наметки Пентагона.

А когда представление было окончено, к героям дня подошел Тауэр и еще несколько сенаторов.

— Поздравляю вас, джентльмены, поверьте мне: такого еще не было. Приливная волна — это бесподобно! Да, кстати,— взял он под локоток министра обороны,— может ли одна производящая ракеты фирма рассчитывать...

— Может! — не дал ему закончить Браун.— И ваша фирма может,— обратился он к другим сенаторам.— И ваша, и ваша, и ваша...

— А вы не могли бы...— сенатор доверительно склонился к уху министра,— почаще поднимать вот такую волну?

— Перри и Зейберг всегда к вашим услугам, сэр!

Я. МАЛЫКИН

БЕЗ СЛОВ. Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ПРИСТРОИЛСЯ... Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Александр
СУКОНЦЕВ

ЭКЗАМЕН

— Алло! Это квартира профессора Кудельского?
— Да, а собственно, с кем имею честь?
— Позовите Алену.
— Алену? Но, по-моему, внучки нет дома...
— По-вашему или точно нет?
— М-м... Не знаю. Кажется, она ушла.
— Кажется... А куда ушла?
— Не знаю.
— А ей утром кто-нибудь звонил?
— Не знаю.
— А когда она вернется?
— Не знаю.
— Послушайте, профессор, что вы заладили «не знаю», «не знаю»? Вы вообще-то что-нибудь знаете?

ТЕЛЕФОН В АД

— Скажите, это райкомхоз?
— Нет.
— М-м... Извините, не туда попал. Наберем еще раз. Так... Скажите, это...
— Я уже сказал — нет!
— Вот незадача... Два — тринадцать — тридцать два... Райкомхоз?
— Это не райкомхоз. Это адкомхоз.
— Ад? А вы там что, кипите в котле или поддерживаете огонь?

В МАГАЗИНЕ

— Простите, я хотел спросить...
— . . . . !
— Извините, я интересуюсь...
— . . . . !
— Уважаемая, есть ли в продаже сырки?
— . . . . !
— Я хотел...
— А ты что, не видишь?
— Нет, не вижу.
— Разуй глаза, увидишь.
— Это как? А-а... Вы хотели сказать наоборот.
— Чего наоборот?
— Надо обуть глаза. Сейчас надену очки... Так... Вот теперь вижу, что сырки есть.
— Давно бы так. А то стоит, тянет за душу.
— А не проще ли было бы сразу взять и ответить?
— Чего захотел! И сырки ему подай и на глупые вопросы отвечай.

САМОЕ, САМОЕ

— Это редакция?
— Редакция.
— О чем же вы пишете?
— Простите, не понял?
— Я говорю, о балете пишете?
— Да, была статья.
— О трубах пишете?
— О трубах тоже. А что, собственно...
— Самое главное забыли.
— Что вы имеете в виду?
— То, без чего нам будет не до танцев. И вообще, извините, вылетим в трубу.
— Говорите конкретнее.
— А вы не догадываетесь? Стыдно. Я имею в виду тарную дощечку. Вот что главное на сегодняшний день в нашей жизни. Сезон на носу!

ДЕРЕВО И ПТИЧКА

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Как по маслу...

Заступив на вахту, начальник станции Богатое Южно-Уральской железной дороги распахнул окно. Кабинет наполнился станционными звуками и запахами. В запахах начальнику почудился какой-то непорядок.

— Пахнет подсолнечным маслом,— высунувшись в окно, определил он.— А не должно. По документации такой груз у нас нынче не значится.

За окном раздавались возбужденные голоса подчиненных. Люди толпились около одной из цистерн, подставляли пальцы под сливной кран и, облизав их, громко причмокивали.

Руководитель шустро сбежал с лестницы и направился прямо к цистерне № 7423399, источавшей тонкий постный аромат.

— В чем дело? — проталкиваясь к источнику запаха, вопрошал он.— По накладным, заверенным ответственными людьми Иркутского масложиркомбината и станции Кая, откуда этот комбинат отправил цистерну, выходит, что цистерна слита и очищена. Откуда же здесь,— он сунул палец под кран,— постное масло?

Позвонили землякам на Богатовский маслоэкстракционный завод. Земляки, авторитетно наполнив мензурки и пробирки маслом и поколдовав над ними, установили, что масло свое, родное. И отправлено оно было в адрес Иркутского масложиркомбината. По его настоятельной просьбе.

— Почему же они вернули груз? — болтая колбами, маялись в сомнении изготовители масла.— Может, слишком велик осадок?

— А может,— скромно зарделись работники железнодорожной станции,— это презент от каинских железнодорожников? Да мы на этом масле целый год будем картошку жарить.

Начальник станции Богатое принялся отбивать на станцию Кая телеграммы: как быть с маслом? После двухмесячного молчания Кая откликнулась.

— Какое счастье, что пропажа нашлась! Мы, правда, тут немножко напутали — документы-то на цистерну оформили, а само масло впопыхах слить забыли. Так что давайте-ка шлите продукт поскорей обратно, а то еще скиснет на жаре.

— Вот это да! — ахнули на станции Богатое и отправили цистерну в Иркутск, прямо на товарную станцию Кая.

И. СЕРГЕЕВА

Гарай
РАХИМ

Как кошка с собакой

Мне кошка в квартире
Совсем не мила,
Но кошку назло мне
Жена завела.

И вовсе наш дом
Превратился в бедлам —
И спим и едим мы
По разным углам.

Такое терпеть
Я, конечно, не мог...
Однажды собаку
Домой приволок.

Пусть кошку она
Разорвет на куски!
Минуты отмщенья,
Казалось, близки!

Но, странное дело,
Собака моя
Относится к кошке
Спокойней, чем я.

И спят они вместе
В углу за стеной
И вместе лакают
Из чашки одной.

На это глядеть
Удивительно мне,
И я, присмирев,
Обратился к жене:

— Изведаем радость
Счастливого брака!
Давай будем жить мы
Как кошка с собакой!

Перевел с татарского
Б. ЛАРИН.

Олимпиада не оставила равнодушными даже Ромула и Рэма.

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

М. ХАЗИН

Из любви к старине

Любовь к старине давно стала модой.

Кто деревянную прялку в спальне устанавливает, кто подсвечником кухню облагородил, кто квитанции хранит в кованой медной ендове. Дешевка все это, рассчитанная на неподготовленного гостя. Истинный любитель старины делает все тихо, неброско. Иногда даже под покровом ночи.

Останавливается, к примеру, возле одного мирно спящего дома на Фрунзенской набережной столицы машина с двумя седоками. И, бросив взгляд на одиноко светящееся окошко, седоки эти тихо диалогируют:

— Дома?

— Дома.

— Ждет?

— Как ворон крови!..

Вскорости ночные посетители вытряхивают перед упомянутым вороном свой увесистый тючок. Печальные глаза великомучеников и страстотерпцев пугливо смотрят на людей.

— Это где же вы взяли такой хлам? — кривится хозяин квартиры.— Не иконы, а дрова. Ими печь топить, и то не в мороз!

— Побойся бога, Саша Васильевич! — истошно причитают полуночные гости.— Ты глянь на эти лики ангельские! Лепота да и только!

Но хозяин бога не боится.

— Не юродствуйте, христопродавцы! Так и быть, трешницу даю.— И он аккуратно отсчитывает три тысячи сотенными купюрами.

Большие деньги. Так ведь и любовь к старине велика.

— На Ярославщину бы вам податься, ребята,— мудро наставляет Саша Васильевич.— С тамошними памятниками старины поближе спознаться. У меня — вот удача-то! — атлас автомобильных дорог случайно завалялся. Так уж я вам укажу для верности те места, где есть церквушки примечательные. Гляди: село Троица, Петропавловское, Никола-Гора, Зарницыно...

В означенных церквушках после этого дельного совета примечательного поубавилось. Но Саша Васильевич к культовым учреждениям уважения не испытывал. Он, как мы знаем, любил лишь иконы.

Потому и был слегка озадачен, когда в очередном принесенном тючке обнаружились не доски со святыми ликами, а холсты, писанные маслом.

— Посмотрите,— робко канючила пара знакомых гостей.— Может, вам какая картинка глянется? Люди говорят, будто тут школа эта... фламандская.

— Фла... фу ты, господи... фламанская? — проскрежетал Саша Васильевич, фальшивым зевком скрывая радостную дрожь.— Такие вещи в церквах не висят. Где взяли?

— Да тут...— заерзали гости,— один позаимствовал в Серпуховском музее и нам переуступил.

— Беру вот эти «Фрукты на столе» и «Зимний вид». Пять с половиной кусков украсят вашу личную жизнь, в картины — мою. В комиссионке могут дать и побольше, но...

— Не надо «но»! — Гости соскребли со стола шуршащие сторублевки и сиганули в лифт.

— А ведь загонит картинки вдвое дороже, упырь! — донесся из кабины тяжкий вздох.

На этот тезис друзья-ворюги и напирали в долгих беседах, которые им вскоре пришлось вести со своим новым знакомым по профессии следователем. Они были рады представить ему и покровителя изящных искусств Сашу Васильевича, да того скромность одолела. Настолько, что он и из дома-то исчез.

— Ах, не говорите мне о нем! — с романсовым надрывом отмахнулась зареванная жена.— Он уехал, не простился! Знать, любовь недорога!..

Меж тем в одной из больниц появился любопытный пациент. Он улегся ниц в приемном покое и самозабвенно выкрикивал:

— Где мои святые угодники? Где мои богородицы, серафимы и херувимы? Где, наконец, мои верные голландцы и фламандцы, кунаки и абреки?

— Знаменитый коллекционер! — уважительно шептался младший медперсонал.— Заболел на почве больших эмоциональных перегрузок.

Но здесь любовь к прошлому явно подвела Сашу Васильевича.

— Старо, гражданин, старо! — сурово сказали врачи.— Этот трюк уже использовал незабвенный бухгалтер Берлага. Вы действительно больны, но медицина тут бессильна. Разъевший вас недуг лечится лишь в народном суде!

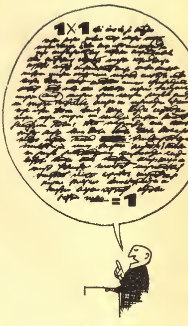
— Граждане судьи! — кликушествовал Саша Васильевич со скамьи подсудимых.— Любовь, одна любовь во всем виновата! Да, скупал иконы! И картины тоже скупал. Но лишь из любви к старине! Ведь в руках каких извергов, невежд и хамов были похищенные вещи! Я фактически спасал шедевры!..

Как ни трогательна была речь спасителя, суд все же мудро решил изъять у Саши Васильевича многотысячную сумму, припрятанную для очередных операций по спасению шедевров. Тем более, что у Александра Васильевича Новикова есть теперь более важная задача — спасать собственную судьбу. Спасать ее честным трудом в местах, определенных для подобных случаев законом.

УЛЫБКИ

— Ты меня еще любишь?
«Ледис хоум джорнел», США.

«Остен», Югославия.

Генрих БОРДИЕВСКИЙ
(Польша)

ДУЭЛЬ

Непонятная история получилась, настолько непонятная, что вряд ли мое изложение происшедших событий способно помочь вам разобраться, что к чему. Дело было на пляже. Искупавшись разок-другой, я отошел подальше от воды и встал на ветру, чтобы малость пообсохнуть, когда к берегу вдруг подкатили две сверкающие лаком легковушки. Из одной — только вот не помню, из первой или из второй — вылезли двое, из другой — четверо. А может, и пятеро, это значения не имеет; словом, в общей сложности их оказалось семеро, а вскоре откуда-то появился и восьмой. На всех были мрачные темные шляпы, и только двое таких шляп не имели. Они, эти двое без шляп, и оказались главными действующими лицами, потому что остальные подвели их к самой воде и принялись расхаживать взад-вперед, отмеряя шагами расстояние между ними. Но поскольку шаги у всех были разные, разгорелся спор, закончившийся тем, что оба без шляп согласились на десять шагов средней длины плюс два коротеньких. Потом противники (а в том, что это противники, сомневаться не приходилось), повернувшись друг к другу, замерли в напряженных позах и стали ждать сигнала своих секундантов.

Сигнал был дан, и тут ветер, на котором я так здорово обсыхал, вдруг затих, словно по волшебству. В тот же момент первый из дуэлянтов открыл рот и громко произнес какую-то фразу. Второй сделал ответный выпад. После этого первый выстрелил еще одной тирадой, но второй, не растерявшись, тоже выдал что-то сногсшибательное. Секунданты лишь озабоченно переводили взор с одного противника на другого и обратно. Все, кто был в шляпах, хранили гробовое молчание.

К моему великому сожалению, эта захватывающая дуэль кончилась довольно скоро. Следующей фразой первый дуэлянт наповал сразил второго, который пошатнулся и распластался на песке. Правда, он еще пытался, отчаянно разевая рот, дать какой-то ответ, но уже было ясно, что ему крышка. Он издал лишь несколько едва слышных звуков, которые так и не долетели до его противника. Увидев, что враг повержен, но все еще надеется оправиться, первый дуэлянт, не теряя времени, добил его еще одной фразой, положив тем самым конец этому напряженному поединку.

Подошедший врач склонился над побежденным, встал и картинно всплеснул руками. Тело поволокли к машине, и она отъехала. Следом тронулась вторая, а через несколько секунд накатившая на берег волна смыла все следы.

К сожалению, я не услышал, что говорили друг другу дуэлянты, но, несмотря на это, почувствовал, как меня наполняет гордость от сознания того, сколь велика сила слова.

Перевел А. ШАРОВ.

«Родители должны приводить детей в детский сад чистыми и опрятными, имея при себе носовой платок».

(Из объявления в детском саду).

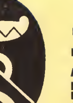
«Игра «Уложим куклу спать». Закрепляю части тела.

Подражать звукам воспитателя (ав-ав).

Развивать координацию мелких кистей рук во время выполнения упражнений.

Учить вызывать эмоциональное отношение к стихам и лошадке (подойти и погладить)».

(Из плана работы воспитателя детсада).
Прислала Л. Семагина,
г. Петрозаводск.

№ 14 (2312) май

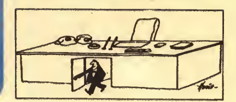
РАЗНЫХ ШИРОТ

Клиент. А в конце завещания напишите, пожалуйста, чтобы на моих похоронах обязательно играл оркестр.

Адвокат. Хорошо. А какие произведения вы хотели бы услышать?

●

«Арена», Югославия.

— А сейчас я оглашу завещание герра Кушке. Он пишет: «Все свое состояние я завещаю моему единственному настоящему, искреннему и неподкупному другу...»

«Ди виртшафт», Австрия.

Слова, слова...

В крушении собственных надежд виноватым всегда оказывается стрелочник.

Шутка японских железнодорожников.

Лучший друг человека — не собака, а козел отпущения.

Хуго Эрикссон, шведский зоолог.

Когда начинают гладить по шерстке, смотри, чтоб не остригли!

Овечий фольклор.

Мало иметь собственное мнение, надо еще, чтоб о нем не подозревало начальство.

Мудрость карфагенских чиновников.

— Надеюсь, ты отблагодарил того, кто вытащил тебя, когда ты тонул!

— Конечно. Я дал ему целый доллар.

— Всего! А он!

— Этот неблагодарный не произнес ни слова. Он молча отсчитал мне девяносто центов сдачи.

●

Шеф — своему служащему:

— Это — безобразие, Браун. Опять вы спите на работе. Для этого у вас есть время дома.

— Время — да. Но ведь требуется еще и тишина.

— Похоже, Глэдис, тебе пора кончать свою диету!

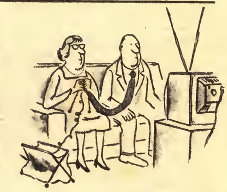
«Острелиен», Австралия.

Сидящий пассажир в метро обращается к женщине, которая стоит рядом с ним:

— Я бы с удовольствием уступил вам место, но, к сожалению, оно уже занято.

●

Английский бизнесмен получил письмо от коллеги. Письмо гласило: «Дорогой сэр, поскольку моя секретарша — дама, я не могу продиктовать ей то, что о вас думаю. Более того, поскольку я джентльмен, я не имею права даже думать о вас так. Но так как вы ни то, ни другое, я надеюсь, вы поймете меня правильно».

«Нью-йоркер», США.

Пал ШОМОДИ (Венгрия)

Капитуляция

Я купил отличный глобус с подсветкой изнутри. Прекрасная штуковина. Во-первых, он великолепно смотрится на моем столе. Во-вторых, его можно использовать в качестве ночника. И, наконец, нет ничего на свете лучше глобуса, чтобы приобщить ребенка, в данном случае нашу дочь, к географии.

В тот же день я приступил к своим родительско-педагогическим обязанностям.

— Ну-ка, девочка, знаешь, что это такое? — спросил я, показывая на глобус.

— Глобус,— сказала Дора.

— Прекрасно. А знаешь ли ты, почему он намного наклонен на подставке? Потому что именно под таким углом земля вращается вокруг солнца. Ты ведь, наверное, слышала, что земля вращается вокруг солнца?

Дора ничего не ответила и вопросительно посмотрела на меня.

— Не слышала?

Дора подумала и сказала:

— А ты не обманываешь?

— Господь с тобой! Зачем мне тебя обманывать?

— А мама говорит, что ты всегда нас обманываешь. Вчера сказал, что придешь домой к обеду, а пришел почти к десяти.

— У меня были дела,— с досадой сказал я.— Это был непреднамеренный обман. Но с землей дело обстоит именно так, как я тебе сказал. Она вращается вокруг солнца. Долгие столетия люди вообще не знали, что земля вращается. Знаешь, как они об этом догадались?

Дора упрямо покачала головой.

— А мама говорит, что твои друзья всегда покрывают тебя, когда ты нас обманываешь.

— При чем тут друзья, когда я хотел рассказать тебе о великом Галилее?

— А мама говорит...

— Немедленно отправляйся на кухню,— крикнул я,— и спроси у своей мамочки, вращается ли земля вокруг солнца и приятель ли мне Галилей!

В дверях показалась жена.

— Чего ты орешь на ребенка?

— Потому что она все время ставит под сомнение то, что я говорю!

— И ты этому удивляешься? Думаешь, она ничего не видит, не замечает, как ты себя ведешь?

— Как я себя веду? — бешено заорал я.

— Забиваешь ей голову всякой чепухой и думаешь, этим все воспитание и ограничивается?!

— Ты-то вообще знаешь,— начал я тихим, дрожащим голосом,— о чем речь идет?

— Это не имеет значения. Главное — не лги ребенку, как ты лжешь мне все эти долгие годы!

— Выходит,— загремел я,— Галилей врет? Да? Отвечай!

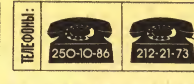
— Ты всегда умел находить отговорки! — крикнула жена и бросилась на кухню. По дороге она заметила глобус и остановилась.— И ты считаешь, это нам сейчас важнее всего? Больше нам купить ничего не нужно было?

— Да,— устало сказал я,— история повторяется. Как и Галилей, я тоже должен взять обратно свои утверждения. Слушай меня внимательно, дочь моя! Знай же, что земля не вращается вокруг солнца, вообще не вращается и вовсе не похожа на шар. Ты меня понимаешь, друг мой Галилей?

Перевела Е. Тумаркина.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС: 101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, Д. 14

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, С. Ашмарин, М. Вайсборд, О. Ведерников, В. Владов, Б. Воробьев, Р. Друнман, Н. Лисогорский, Е. Милутка, И. Норинский, Н. Рыбалко, И. Сычев, Ю. Черепанов.

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.03.80. Подписано к печати 22.04.80. А 06577. Формат бумаги 70×108⅛. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 810 000 экз. (1-й завод: 1—4 109 201). Изд. № 1047. Заказ № 2277.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5800000 (3 завод 4100001—4500000). Заказ № 3320

Ай, Моська, прямо говоря,
Ты только время тратишь зря!

Рисунок М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

Цена номера 20 коп. Индекс 70448

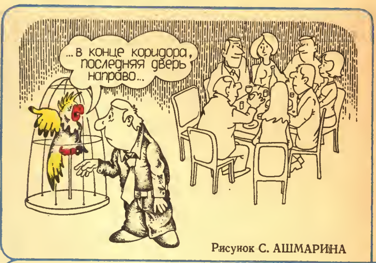

Рисунок С. АШМАРИНА

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

«
руд

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Рисунок Е. МИЛУТКИ

— Ласточка ты моя!

Рисунок Е. ГУРОВА

— Говорят, он давно уже с семьей не живет, только приносит алименты...

Рисунок Л. НАСЫРОВА

Это быль, а может, небı
Я на том заводе не был
Только слышвл — говоря
Тот завод в станкострое
С необыкновенным рвен
Свой вносил весомы
В производство там, к п
Запустили новый пресс,
Удивительных рвзмеров
Чудо-пресс-тяжеловес.
Поднимали великана
Три особо мощных кран
Вывозила исполина
Шестьдесят однв машин
Пресс-гигант! Но для че
Квк я слышал от людей,
Для штамповки то ль за
То ли... этих... «бигудей».
Если кто-нибудь с укор
Мол, гора рожает мышь,—
Весь завод — горой зв г
Весом нас не укоришь!
Налицо имеем справки,
Что нв пресс дано добр
Как положено, и в глввк
И в конструкторском бю
Это с их благословенья
Выпускать мы мастаки

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

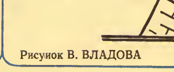

Рисунок В. ВЛАДОВА

